

Copyright © 2023 by Cherkas Global University



Published in the USA  
 Bylye Gody  
 Has been issued since 2006.  
 E-ISSN: 2310-0028  
 2023. 18(1): 56-63  
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.56

Journal homepage:  
<https://bg.cherkasgu.press>



## Transfer of French Publications as a Factor in the Development of Russian Book Culture in the second half of the XVIII century

Ruslan M. Zhitin <sup>a, \*</sup>, Alexey G. Topilsky <sup>a</sup>

<sup>a</sup> Derzhavin Tambov state university, Russian Federation

### Abstract

The article is devoted to the analysis of the penetration of French printed publications into the Russian Empire in the second half of the XVIII century. Several interrelated processes that took place in Russian society contributed to this phenomenon at once. Thus, the penetration of Enlightenment ideas made it fashionable to become familiar with advanced European culture, and above all, French culture, thereby forming Gallomania. The spread of French as a common language in the nobility made it literally necessary to purchase books in French in a personal library. The desire to improve their farm and make the estate landscape beautiful required studying the experience of European farmers and designers. Critics of the emperors replenished their collections with the works of freethinkers. The development of scientific and educational institutions, in turn, led to the acquisition of foreign books in departmental libraries. The combination of these factors ensured the active transfer of foreign (primarily French) publications to Russia.

The main research methods used were comparative-historical, as well as the method of comparative analysis.

In conclusion, the authors come to the conclusion that, despite the existence of different streams of French literature with different content from each other, due to their reading by the educated layer of Russians, there was an active borrowing of French culture and the dissemination of these book publications. Attempts by state bodies at the end of the XVIII century to restrict the import and publication of books by French enlighteners as unreliable led rather to the opposite effect, when people massively read and studied Voltaire and other freethinkers.

**Keywords:** reading, manor libraries, enlightenment, cultural transfer, nobles.

### 1. Введение

Долгое время верификация провинциальной дворянской культуры шла через изучение домашнего воспитания высшего сословия, усадебного быта и повседневности. Это сверхважная, совершенно необходимая, но не единственная линия исследования культуры помещиков. Для успешной верификации динамики отдельных групп населения надо учитывать факторы, которые носили скрытый, глубинный характер. К важнейшим из них можно отнести практики сохранения и воспроизводства читательских традиций, обеспечивающих формирование определенной культурной среды. Как известно, широкое распространение в России модернизационных идей во многом обусловлено проникновением в страну новых практик из Западной Европы. Иностранная литература играла важную роль в проводимой модернизации, оказывалась своего рода источником социальных и культурных трансформаций. Одновременно книжная грамотность выступала катализатором замыслов западноевропейских просветителей. Локальные данные об этих процессах весьма

\* Corresponding author

E-mail addresses: [istorik08@mail.ru](mailto:istorik08@mail.ru) (R.M. Zhitin), [a-topil@yandex.ru](mailto:a-topil@yandex.ru) (A.G. Topilsky)

ограничены, однако их изучение важно для осмысления «идейного наполнения» русской действительности эпохи реформ и модернизаций, роли Запада в этом процессе.

## 2. Материалы и методы

Данное исследование опирается на значительный объем исторических источников, впервые вводимых в научный оборот. Важные сведения о трансферте книжной продукции в Россию содержат материалы российских книготорговых лавок, отвечавших за распространение зарубежной литературы в стране. Речь идет о «Реестрах иностранных книг, которые по нижеписанным ценам в Московской книжной палате продавать» и «Щетные выписки учиненные из приходной и расходной книг о продаже в Москве в академической книжной лавке иностранных книг» (Французская..., 1986: 100). Перечисленные издания содержат богатые сведения о жанровой, тематической, языковой принадлежности поступаемых в страну произведений, особенности их реализации на региональных рынках. Содержательные возможности выписок и реестров дополняют каталоги изданий, выявленные в библиотеке Академии наук в середине XIX в. Их подробное описание представил Г. Геннади в труде «Литература русской библиографии» (Геннади, 1858: 33).

Для изучения характера распространения книжной продукции в дореволюционной России использовались материалы из фондов РГАДА, показывающие состав французских изданий в личных библиотеках Меншиковых (РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 56), Голицыных (РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Д. 35) и других букинистов.

Основополагающим методологическим инструментарием в работе стали принципы объективности и историзма. Принцип историзма позволил проанализировать состав иностранных книжных коллекций в тесной связи со спецификой эпохи и потребностями дворянства. Принцип объективности предполагает использование надежных теорий, не искажающих процессы культурного развития. Принцип реализован на основе подробного анализа исторических источников, позволивших комплексно изучить процессе комплектования усадебных библиотек.

Поскольку часть французских книг утрачена и информация о них не систематизирована, в работе был применен метод компаративного анализа, позволяющего атрибутировать часть зарубежного книжного наследия. Метод предполагал выявление описей франкоязычных собраний и их сравнение с существующими каталогами.

## 3. Обсуждение

Вопросы трансферта французской печатной продукции на территорию России в середине XIX века относятся к малоисследованным историографическим проблемам.

В дореволюционной исторической науке проблема трансферта иностранной книжной продукции не ставилась. В известном труде Э. Омана «Французская культура в России» (Haumment, 1910: 50-64) франкоязычным изданиям уделена небольшая глава. Автор рассмотрел наиболее популярные труды у российского дворянства, охарактеризовал тематический состав личных библиотек высшего сословия. Особенности транспортировки, жанровый состав зарубежной литературы были оставлены без внимания.

Общие материалы о потребностях российских букинистов представил Н.А. Рубакин. В своем капитальном труде «Этюды о русской читающей публике» он обобщает большой фактический материал о распространении чтения среди всех слоев населения (Рубакин, 1895: 11-26). Автор приходит к выводу о значительном трансферте книг из-за рубежа, однако не подкрепляет его конкретными статическими данными.

В советской историографии преобладал политизированный подход к оценке роли иностранных собраний российских дворян. Только начиная с 1960-х годов, делается попытка обобщения значения зарубежной книги в информационной культуре дореволюционного общества. Ценный материал о французских фондах библиотеки Петербургской академии наук обобщил П. И. Хотеев (Хотеев, 1989). Изучая вопросы тематического и жанрового своеобразия приобретаемых для учреждения собраний, автор исследовал специфику книжных пристрастий читающей публики. По его подсчетам, благодаря работе Академии наук, в Россию поступило свыше полутора тысяч изданий, причем все они были доступны для продажи провинциальному обывателю. Покупатели могли ознакомиться с трудами передовых европейских историков, обществоведов, естествоиспытателей.

В исследовании Н.А. Копанева представлена история появления Московской книжной лавки (Копанев, 1983). Автор рассмотрел качественные характеристики репертуара франкоязычных изданий учреждения, проанализировал популярность иностранной литературы у москвичей. Одновременно им затронуты вопросы транспортировки в Россию закупаемой продукции. Изучение данных проблем позволило восстановить логику взаимоотношения чиновников академии и европейских комиссионеров. Ценным дополнением к проделанной работе является составленный Н.А. Копаневым каталог французской литературы, продававшейся в Москве в 50-х годах XVIII века (Копанев, 1986).

Проблемы появления жанра французской «Россики» XVIII в. исследуются в работах В.А. Сомова. Автор рассмотрел репертуар издаваемых книг, обобщил их значение для развития

русско-французских взаимоотношений. При этом источником для обобщений стали сохранившиеся каталоги московских и петербургских книгопродавцев, данные их личных библиотек, архивные документы (Сомов, 1983: 117-118).

Важное историографическое значение в изучении трансферта иностранных книг на российский рынок сыграл выход монументального сборника «Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории» (Французская..., 1986). На основе новых документов авторы показали активное проникновение франкоязычных изданий в страну еще во время Петра I, а не с 60-х гг. XVIII в., как это считалось ранее.

На современном этапе исследователей интересует роль иностранной книги в культуре повседневности дворянских родов. Значительный объем фактического материала о составе франкоязычной литературы в личных коллекциях Батюшковых и Верещагиных обобщила Г.З. Торохова. Она проанализировала состав усадебных собраний, значимость зарубежных произведений в контексте семейной памяти изучаемых родов (Торохова, 2017).

Частные коллекции французских книг в России XVIII–XIX вв. рассмотрела Л.А. Марихейн. На основе архивных источников она изучила реалии частного коллекционирования франкоязычных изданий в дореволюционной России, проанализировала работу государственных организаций, связанных с распространением и популяризацией французской литературы. Собранные материалы позволили сделать однозначный авторский вывод о галломании как факторе развития русско-французских культурных связей (Марихейн, 2008).

Таким образом, анализ историографии позволяет сделать вывод о недостаточности исследований трансферта французской книги в России. Тем не менее изучение франкоязычной литературы позволяет полнее проанализировать особенности информационной культуры российского дворянства второй половины XVIII века.

#### 4. Результаты

Во второй половине XVIII века дворянские библиотеки в значительной степени комплектовались литературой на французском языке. Появление зарубежных изданий в личных коллекциях высшего сословия связано с явлением галломании – ярко выраженного преклонения перед всем французским, утвердившегося в период становления и развития Российской империи. Изучавший данное явление А.Н. Греч связывал «исключительную своеобразность» личных собраний дворянства с обилием редких французских книг, приобретаемых владельцами за рубежом (Греч, 2010: 61).

Мода на все французское связана с преобразованиями Петра I. Поездка царя во Францию в 1717 г. должна была продемонстрировать силу зарождающейся в России абсолютной монархии. Поэтому французская культура, достигшая наибольшего влияния в период укрепления европейского абсолютизма, представлялась самодержцу важной доктриной развития общественно-политической жизни в России. «Сменявшие друг друга монархи нуждались в идеологическом оформлении своих государственных и политических интересов, в культурном и литературно-художественном закреплении и обосновании их», – отмечала Л.И. Сазонова (Сазонова, 1982: 121). В результате уже при жизни Петра I галломания стала неотъемлемой частью внутренней политики страны.

В 1724 году по образцу французской академии возникает российская Академия наук, обеспечивающая продвижение западной образовательной модели в российских учебных заведениях. Одновременно началось строительство Русского Версаля – масштабной резиденции Петра Великого под Санкт-Петербургом. Даже в государственный аппарат страны начинают набираться люди, хорошо владевшие французским языком (Французская..., 1986: 31).

Склонность к галломании подкреплялось универсальностью французского языка. Дело в том, что на протяжении XVII – первой половины XVIII столетий французы перевели практически всю европейскую художественную классику и античную литературу. В результате знание языка Мольера давало возможность русскому читателю знакомиться не только с сочинениями Вольтера, но и с ведущими английскими, испанскими, итальянскими, немецкими авторами. Кроме того, важным фактором галломании на протяжении всего XVIII века являлась светскость выпускаемой литературы. В то время как основная масса книг, выпускаемая в Германии в первой половине XVIII в., относилась к различным религиозным трудам, французские типографии выпускали общественно-политические и научные произведения. Таким образом, французская печать обеспечивала светскую модель модернизации и знакомила русского обывателя с ведущими идеями европейского Просвещения.

Основными центрами распространения изданий на французском языке в середине XVIII века являлись Петербургская и Московская академические книжные лавки. Их появление определялось развитием университетского дела в России и подкреплялось устойчивым вниманием общества к французской культуре. Основным источником комплектования данных учреждений являлась централизованная закупка литературы за рубежом и ее последующая реализация в стране. Первая крупная партия заморских книг пришла в Россию в 1728 году (порт в Санкт-Петербурге). В корабельных трюмах находилась продукция, изданная в ведущих типографиях Амстердама, Гааги, Лейпцига, Парижа, Лондона (Копанев, 1983: 40). Практически все привезенные книги сразу нашли

своего читателя. Поэтому крушение корабля с новой партией в 1729 году было воспринято современниками как трагедия, но не повлияло на динамику начатого дела. Судя по рекламным предложениям Петербургской лавки, в 1831 году русскому читателю предлагалось 1 033 наименования изданий. В 1734 г. число иностранных произведений, доступных для продажи, возросло до 2 411, а в 1739 г. репертуар реализуемой литературы достиг 3 611 названий (Французская..., 1986: 59).

Ассортимент завозимых в страну изданий отражал специфику читательских интересов образованной публики. Согласно данным академических каталогов, французская книга достаточно быстро вытесняет из продажи произведения на других языках. Если в 1751 году в общем книготорговом репертуаре преобладала литература на немецком языке (49 %), то в 1752 году абсолютным лидером стали франкоязычные книги (51 %) (Материалы..., 1886: 528-529).

Французские издания не только широко ввозились в Россию, но и масштабно рекламировались. Начиная с 1731 года, Академия наук выпускала отдельные каталоги зарубежных изданий, доступных для приобретения в лавке. С 1731 по 1764 гг. вышло 10 тыс. объявлений о возможности покупки зарубежной литературы (Французская..., 1986: 60). По наблюдению видного историка Э. Омана, этот период символизировал начало «французского культурного завоевания» России, связанного с тотальным увлечением российской аристократии литературой чужой страны (Французская..., 1986: 50). Галломания во многом подчеркивала французскую культурную ориентацию русской дворянской аристократии имперского периода. При этом преклонение перед всем французским как массовое культурное влияние было настолько устойчивым, что ценность франкоязычной литературы признавалась даже во времена бироновщины – немецкого засилья в придворном окружении.

Значительный интерес представляет изучение мест издания франкоязычных произведений, продаваемых в России. Исследования Н.А. Копанева показали, что в 1750 г. французские книги, напечатанные на их языковой родине, были хуже представлены в России, чем аналогичная литература, выпущенная в Голландии (Копанев, 1988: 44). Несмотря на то, что с конца 1730-х годов доля парижских томов в общей структуре оборота постоянно росла, большая часть франкоязычных книг привозилась из Амстердама и Гааги. Это касалось как Петербургской, так и Московской академических лавок.

Распространение амстердамских и гаагских изданий подчеркивало специфические черты российской книжной торговли, однако вряд ли отражало логику книгоиздательства того времени (подавляющее большинство франкоязычных томов на протяжении всего XVIII века продолжало появляться во Франции). Тем не менее причины внимания к голландской продукции понять несложно. Преобразования Петра I были тесно связаны с Нидерландами. Из этой страны в Россию шел трансферт научно-технических сведений, товаров, услуг. Большое значение также играли профессиональные отношения с местными специалистами, приезжавшими в Россию для строительства мануфактур, мельниц, заводов. Все это рождало необходимые связи и взаимные интересы для культурного обмена. Так, уже с конца 1730-х гг. в Петербургской лавке можно было купить труды на голландском языке, а сама Академия наук имела своих агентов в Амстердаме (Французская..., 1986: 67).

Вербовка агентов – определяющий элемент трансферта литературной продукции из Нидерландов. Как правило, это были известные в своем деле голландские книготорговцы. Известно, что в 1730-х годах в Амстердаме российские интересы обслуживал крупный специалист Вейтбрехт. В его задачи входили подготовка реестров книг, их отправка в Россию (Луппов, 1973: 110). В последующем деловые связи были налажены с Мейнардом Утверфом и Ватштейном, державшими ряд крупных типографий в Амстердаме (Материалы..., 1886: 65). При этом нанятые агенты могли доставлять в Россию не только свою продукцию, но и любые другие произведения, интересующие русскую публику. Таким образом, дворяне могли познакомиться с продукцией ведущих гаагских книгоиздателей: Борегарда (Beauregard), Пьера де Хонда (Pierre de Hondt), Пони (Ponnie), Шерлера (Scheurleur), Ван Дюрена (Van Düren), Моэтжана (Moetjens) и лейденских производителей Вербека (Verbeck), Ван дер Аа (Van der Aa).

Если в Голландии достаточно быстро удалось наладить посредничество добровольных корреспондентов, то во Франции это стоило большего труда (сказывался гораздо больший уровень культурных связей с Нидерландами). Только с 1730-х годов было заключено соглашение с крупным парижским книгоиздателем Бриасоном. Именно с его деятельностью связан резкий взлет на рынке франкоязычных изданий в России. Он привозил на местный рынок продукцию Кавелье (Cavelier), Дюпюи (Dupuis), Дюрана (Durand), Жомбера (Jombert), Роллена (Rollin), Про (Prault) и других французских типографий. Одновременно Бриасон наладил продажи российских книг на французском языке во Франции и даже осуществил продажу в Париже библиотеки русского дипломата и поэта князя Антиоха Кантемира (Французская..., 1986: 70).

Отношения между российскими торговыми лавками и зарубежными корреспондентами формировались стихийно. На начальном этапе формирования компаративных связей был распространен бартерный обмен. Такой расчет был сопряжен с определенными сложностями, ведь каждая из сторон стремилась продавать свою продукцию по завышенной цене, а покупать по

стоимости ниже рыночной. Одновременно случались поставки дефектных экземпляров без существенных уступок по цене. Пытаясь регулировать бартерные процедуры, Академия наук выпустила четкие инструкции: «Здесь выхода книги отпускать за море по такой же цене, как оные здесь продаются, ибо от того прибыли нет, что на здешние книги цена накладывается, а напротив того, и тамошние корреспонденты на свои книги дороже цену поставя, сюда присылают» ([Материалы..., 1895b: 466](#)).

Наличие бартерного расчета в книготорговле определялось отсутствием достаточного финансирования со стороны Академии наук и, безусловно, ставило развитие рынка в зависимость от эффективности работы академических типографий. В страну ввозилось ровно столько продукции, сколько вывозилось русскими типографами в Европу. С одной стороны, это сдерживало процесс распространения книг в России, с другой – наблюдался обратный трансферт отечественной продукции за рубеж. Книжный экспорт формировал представления европейцев о русской истории, повышал имидж страны в международном книгообмене.

Лишь небольшая часть тиража франкоязычных изданий покупалась за наличный расчет. Данное правило действовало только в случаях невозможности или сложности книгообмена. При этом академия требовала от агентов разумных закупок «не на великую сумму» и под строгим контролем вплоть до «прямого наблюдения» ([Материалы..., 1895a: 225](#)).

Характерной особенностью трансферта книг из-за рубежа являлся тщательный отбор продукции иностранных издательств. Большая часть заявок на издания формировала академическая профессура по так называемым дезиратам. Они периодически составлялись и передавались в книжные лавки. Одновременно Академия наук выписывала специализированные периодические издания, содержащие отзывы на книги. Так, в Россию приходили «Журнал ученых», «Французская библиотека», «Английская библиотека», «Германская библиотека» и др.

Незначительная часть книготорговых списков формировалась по частным пожеланиям библиофилов. Постепенно данная услуга набирала все большую популярность. Этому в немалой степени способствовала реклама в «Ведомостях». Так, в 1752 году академический книготорговый каталог предлагал «всем желающим купить какие-либо книги», сделав своевременный заказ. При этом «книжная лавка брала на себя труд по их доставке будущим летом на первых же кораблях» ([Ведомости, 1729](#)). Аналогичные надписи можно встретить в книготорговых каталогах, публикуемых академией. Наличие подобных сообщений говорит об активных попытках российских книгоиздателей установить прямую связь с читающей публикой.

Важно проследить персональный состав покупателей российских изданий. В силу столичного характера проживания крупнейших черноземных помещиков-букинистов приобретение литературы предполагалось прежде всего для библиотек центральных усадеб в Санкт-Петербурге. Документы академической лавки показывают, что в конце XVIII века наиболее часто книгами интересовались князь А.Ю. Трубецкой, барон А.Г. Строганов, фрейлина Е.Р. Воронцова, князь Голицын, князь Гагарин. При этом каждый клиент выбирал продукцию на свой вкус. Если Строгановы были равнодушны к художественной литературе, то Трубецкие скупали произведения историко-философского содержания.

Расширение университетской инфраструктуры в стране повлекло за собой модернизацию книжной торговли. В 1756 г. вслед за основанием Московского университета была учреждена Московская лавка. На первом этапе здесь продавалась учебная литература, «состоящая из знатного числа книг на почти всех европейских языках» ([Московские ведомости, 1756a](#)). Весной 1856 года московские ведомости сообщали о возможности покупки здесь книг «Латинская грамматика на французском», «Рудименты латинские на французском» и «Новый лексикон, которого сочинитель Ру».

В последующем книжный ассортимент Московской лавки расширяется. 30 января 1761 г. «Ведомости» сообщали о получении «немалого числа латинских, французских и немецких книг», готовых к продаже ([Московские ведомости, 1756b](#)). О том, какие издания могли прочитать москвичи, наглядное представление дает каталог французских изданий, продававшихся в 1761 г. Издание состоит из 447 франкоязычных томов, большинство из которых были напечатаны во Франции (110 названий) и Голландии (116 названий). Продавались также издания, опубликованные в Австрии, Дании, Швейцарии и Италии ([Французская..., 1986: 94](#)).

Рост политического и экономического влияния России в мире обуславливал все больший интерес иностранцев к русской культуре. На французский и другие европейские языки стали переводиться заграничные путешествия, экономические трактаты, политические памфлеты, произведения российских писателей. География таких изданий была достаточно широка и включала типографии Парижа, Амстердама, Гааги, Лондона, Берлина.

Обилие выпущенной продукции даже позволило современникам выделить подобные издания в отдельный литературный жанр, названный «Россика», т.е. сочинения о России. Произведения этого направления были далеко не равноценны по своей значимости, однако они давали обширное представление о социальной и экономической жизни в российской провинции.

Основными темами для французской «Россики» второй половины XVIII века были проблематика европейского выбора России, политические преобразования Петра I, просвещенный

абсолютизм Екатерины II. Русские культурные процессы этого периода мало интересовали как западного писателя, так и читателя, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что первое объемное описание допетровской эпохи было представлено П.-Ш. Левеком и Н.-Г. Леклерком только в 1780-е гг. ([Французская..., 1986: 177](#)).

Русское самодержавие прекрасно понимало значимость трансферта отечественной культуры за рубеж и неоднократно обращалось к помощи французских авторов для повышения имиджа и престижа монархии. Наиболее активно этому способствовал просвещенный абсолютизм Екатерины II, создающий питательную среду для трансферта общественно-политической мысли в Россию. «Вы действительно сделались благодетельницею Европы и приобрели себе подданных величием вашей души более, чем другие могут покорить оружием», – лгисто писал о «Семирамиде Севера» Вольтер ([Павленко, 2003: 120](#)).

Обратной стороной монаршего покровительства стала цензура порочащих монархию сочинений. Одной из первой книг «Россики», попавших под опалу, стал труд А. Гудара «Записки для истории Петра III». Памфлет раскрывал неприглядные стороны государственного переворота 1862 года, в результате которого Екатерина II пришла к власти. «Прикажите всем нашим министрам прилежно изыскивать автора, требовать, дабы он наказан был, конфисковать все эдиции и заказать привоз оной книги в Россию», – писала Екатерина II канцлеру М.И. Воронцову ([Сборник..., 1885: 559](#)). Приказ был выполнен, однако часть тиража все же нашла своего читателя.

Однако, несмотря на принятые меры, запрет книг французских писателей только подогревал интерес русской читающей публики. Активное книгоиздание обусловило появление и бездефицитную продажу таких изданий на российском рынке. Так, если в 1780-е гг. у московского книгопродавца Ридигера (1781 г.) и в Петербургской лавке Ш.-Г. Миллера (1789 г.) можно было приобрести около 20 франкоязычных книг о России, то в конце 1790-х гг. в каталогах Ридигера (1798 г.) и Куртене (Москва, 1797 г.) значилось уже примерно 30 наименований «Россики» ([Геннади, 1858: 188](#)). Запретные произведения присутствовали в личном пользовании М.М. Щербатова, в огромных книжных собраниях Шереметевых, Воронцовых и других дворян России.

## 5. Заключение

Рассмотрение проблем трансферта франкоязычных изданий в Россию показывает высокое значение зарубежной литературы в формировании книжной культуры российского дворянства. Чтение иностранных произведений имело прогрессивный характер, так как формировало в обществе нормы классицизма и просветительства, знакомило высшее сословие с лучшими творениями мировой литературы. Галломания позволила дворянам стать частью общеевропейского культурного пространства, получать передовые знания в общественной, политической и социальной сферах. При этом характер присутствия французской книжной продукции в России определялся академическими типографиями, отвечавшими за книготорговые процессы. Активная работа академии по закупке и распространению иностранной литературы позволила в кратчайший срок насытить рынок необходимым количеством изданий.

## 6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Проект № 22-28-01964).

## Литература

- [Ведомости, 1729](#) – *Ведомости*. 1729. № 17 (1 марта). С. 68.
- [Геннади, 1858](#) – *Геннади Г.Н.* Литература русской библиографии: Опись библиогр. кн. и ст., изд. в России. СПб., 1858. 196 с.
- [Греч, 2010](#) – *Греч А.Н.* Венок усадьбам. М., 2010. 333 с.
- [Копанев, 1983](#) – *Копанев Н.А.* Распространение иностранной книги в Петербурге в первой половине XVIII века: По материалам академических книготорговых каталогов / Русские книги и библиотеки в XVI – первой половине XIX века. Л., 1983. С. 40-60.
- [Копанев, 1988](#) – *Копанев Н.А.* Французская книга и русская культура в середине XVIII в. Л., 1988. 156 с.
- [Луппов, 1973](#) – *Луппов С.П.* Книга в России в послепетровское время (1725–1740). Л., 1973. 380 с.
- [Марихбейн, 2008](#) – *Марихбейн Л.А.* История частных коллекций французской книги в России XVIII–XIX веков и их роль в развитии русско-французских культурных связей: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2008. 25 с.
- [Материалы..., 1886](#) – *Материалы для истории Императорской академии наук*. СПб., 1886. Т. 2. 886 с.
- [Материалы..., 1895a](#) – *Материалы для истории Императорской академии наук*. СПб., 1895. Т. 7. 818 с.
- [Материалы..., 1895b](#) – *Материалы для истории Императорской академии наук*. СПб., 1895. Т. 8. 794 с.
- [Московские ведомости, 1756](#) – *Московские ведомости*. 1756. № 2 (30 апреля). С. 1.

- Московские ведомости, 1756b** – *Moskovskie ведомosti*. 1756. № 9 (30 января). С. 1.  
**Павленко, 2003** – *Pavlenko N.I.* Екатерина Великая. М., 2003. 495 с.  
**РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.  
**Рубакин, 1895** – *Rubakin N.A.* Этюды о русской читающей публике: факты, цифры и наблюдения. СПб., 1895. 246 с.  
**Сазонова, 1982** – *Sazonova L.I.* Переводная художественная проза в России 30–60-х годов XVIII в. / Русский и западноевропейский классицизм. М., 1982. 291 с.  
**Сборник..., 1885** – Сборник Русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 48. 718 с.  
**Сомов, 1983** – *Somov V.A.* Французская «Россика» эпохи Просвещения и царское правительство (1760–1820-е гг.) / Русские книги и библиотеки в XVI – первой половине XIX века. Л., 1983. С. 117–118.  
**Торохова, 2017** – *Torokhova G.Z.* Французские книги в культуре русской дворянской семьи: на примере семейных архивов и библиотек Батюшковых и Верещагиных: Автореф. дисс. ... канд. культурологии: 24.00.01. М., 2017. 28 с.  
**Французская..., 1986** – Французская книга в России в XVIII в.: очерки истории / АН СССР. Под ред. С.П. Лушова. Л., 1986. 252 с.  
**Хотеев, 1989** – *Khoteev P.I.* Книга в России в середине XVIII века: част. кн. собр. Л., 1989. 140 с.  
**Haumment, 1910** – *Haumment E.* La culture francais en Russie (1779–1900). Paris, 1910. 571 p.

### References

- Frantsuzskaya..., 1986** – Frantsuzskaya kniga v Rossii v XVIII v.: ocherki istorii [French book in Russia in the XVIII century: Essays on History]. AN SSSR. Pod red. S.P. Luppova. L., 1986. 252 p. [in Russian]  
**Gennadi, 1858** – *Gennadi, G.N.* (1858). Literatura russkoi bibliografii []: Opis' bibliogr. kn. i st., izd. v Rossii [Literature of Russian bibliography: Inventory of bibliogr. books and articles, ed. in Russia]. SPb., 196 p. [in Russian]  
**Grech, 2010** – *Grech, A.N.* (2010). Venok usad'bam [Wreath to estates]. М., 333 p. [in Russian]  
**Haumment, 1910** – *Haumment, E.* (1910). La culture francais en Russie (1779–1900) [French culture in Russia (1779–1900)]. Paris, 571 p. [in French]  
**Khoteev, 1989** – *Khoteev, P.I.* (1989). Kniga v Rossii v seredine XVIII veka [The book in Russia in the middle of the XVIII century: part of the collection]: chast. kn. sobr. L., 140 p. [in Russian]  
**Kopanev, 1983** – *Kopanev, N.A.* (1983). Rasprostranenie inostrannoi knigi v Peterburge v pervoi polovine XVIII veka: Po materialam akademicheskikh knigotorgovykh katalogov [Distribution of foreign books in St. Petersburg in the first half of the XVIII century: Based on the materials of academic bookselling catalogs]. Russkie knigi i biblioteki v XVI – pervoi polovine XIX veka. L. Pp. 40–60. [in Russian]  
**Kopanev, 1988** – *Kopanev, N.A.* (1988). Frantsuzskaya kniga i russkaya kul'tura v seredine XVIII v. [French book and Russian culture in the middle of the XVIII century]. L., 156 p. [in Russian]  
**Luppov, 1973** – *Luppov, S.P.* (1973). Kniga v Rossii v poslepetrovskoe vremya (1725–1740) [The book in Russia in the post-Petrine period (1725–1740)]. L., 380 p. [in Russian]  
**Marikhbein, 2008** – *Marikhbein, L.A.* (2008). Istoriya chastnykh kollektzii frantsuzskoi knigi v Rossii XVIII–XIX vekov i ikh rol' v razvitii russko-frantsuzskikh kul'turnykh svyazei [History of private collections of French books in Russia of the XVIII – XIX centuries and their role in the development of Russian-French cultural ties: abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences]: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. М., 25 p. [in Russian]  
**Materialy..., 1886** – Materialy dlya istorii Imperatorskoi akademii nauk [Materialy dlya istorii Imperatorskoj akademii nauk]. SPb., 1886. Т. 2. 886 p. [in Russian]  
**Materialy..., 1895a** – Materialy dlya istorii Imperatorskoi akademii nauk [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences]. SPb., 1895. Т. 7. 818 p. [in Russian]  
**Materialy..., 1895b** – Materialy dlya istorii Imperatorskoi akademii nauk [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences]. SPb., 1895. Т. 8. 794 p. [in Russian]  
**Moskovskie vedomosti, 1756** – *Moskovskie vedomosti*. 1756. № 2 (30 aprelya). P. 1. [in Russian]  
**Moskovskie vedomosti, 1756b** – *Moskovskie vedomosti*. 1756. № 9 (30 yanvarya). P. 1. [in Russian]  
**Pavlenko, 2003** – *Pavlenko, N.I.* (2003). Ekaterina Velikaya [Catherine the Great]. М., 495 p. [in Russian]  
**RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient acts].  
**Rubakin, 1895** – *Rubakin, N.A.* (1895). Etyudy o russkoi chitayushchei publike: fakty, tsifry i nablyudeniya [Sketches about the Russian reading public: facts, figures and observations]. SPb., 246 p. [in Russian]  
**Sazonova, 1982** – *Sazonova, L.I.* (1982). Perevodnaya khudozhestvennaya proza v Rossii 30–60-kh godov XVIII v. [Translated fiction in Russia of the 30–60-ies of the XVIII century]. Russkii i zapadnoevropeiskii klassitsizm. М., 291 p. [in Russian]  
**Sbornik..., 1885** – Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of Russian Historical Societies]. SPb., 1885. Т. 48. 718 p. [in Russian]

Somov, 1983 – Somov, V.A. (1983). Frantsuzskaya «Rossika» epokhi Prosveshcheniya i tsarskoe pravitel'stvo (1760–1820-e gg.) [French “Russika” of the Enlightenment era and the Tsarist government (1760–1820s)]. Russkie knigi i biblioteki v XVI – pervoi polovine XIX veka. L. Pp. 117-118. [in Russian]

Torokhova, 2017 – Torokhova, G.Z. (2017). Frantsuzskie knigi v kul'ture russkoi dvoryanskoi sem'i: na primere semeinykh arkhivov i bibliotek Batyushkovykh i Vereshchaginykh: Avtoref. diss. ... kand. kul'turologii [French books in the culture of the Russian noble family: on the example of the family archives and libraries of the Batyushkovs and Vereshchagins: abstract of the dissertation of the Candidate of Cultural Studies]. 24.00.01. M., 28 p. [in Russian]

Vedomosti, 1729 – Vedomosti. 1729. № 17 (1 marta). P. 68. [in Russian]

## **Трансферт французских изданий как фактор развития книжной культуры России второй половины XVIII века**

Руслан Магомедович Житин<sup>a, \*</sup>, Алексей Геннадьевич Топильский<sup>a</sup>

<sup>a</sup> Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

**Аннотация.** Статья посвящена анализу проникновения в Российскую империю французских печатных изданий во второй половине XVIII века. Этому явлению способствовали сразу несколько взаимосвязанных процессов, протекавших в российском обществе. Так, проникновение идей Просвещения делало модным приобщение к передовой европейской культуре, и прежде всего французской, формируя тем самым галломанию. Распространение французского языка в качестве обиходного в дворянской верхушке делало буквально необходимым приобретение в личную библиотеку книг на французском языке. Желание улучшить свое хозяйство и сделать усадебный ландшафт красивым требовало изучения опыта европейских аграриев и дизайнеров. Критики императоров пополняли свои собрания произведениями вольнодумцев. Развитие научных и образовательных учреждений в свою очередь вело к приобретению иностранных книг в ведомственные библиотеки. Совокупность этих факторов и обеспечила активный трансферт иностранных (в первую очередь – французских) изданий в Россию.

В качестве основных методов исследования применялись сравнительно-исторический, а также метод компаративного анализа.

В заключении авторы приходят к выводу о том, что, несмотря на существование разных потоков французской литературы отличного друг от друга содержания, за счет их чтения образованным слоем россиян шло активное заимствование французской культуры и распространение данных книжных изданий. Попытки государственных органов в конце XVIII века ограничить завоз и издание книг французских просветителей как неблагонадежных вели скорее к обратному эффекту, когда люди массово читали и изучали Вольтера и других вольнодумцев.

**Ключевые слова:** чтение, усадебные библиотеки, Просвещение, культурный трансферт, дворяне.

---

\* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: [istoriko8@mail.ru](mailto:istoriko8@mail.ru) (Р.М. Житин), [a-topil@yandex.ru](mailto:a-topil@yandex.ru) (А.Г. Топильский)